

Т. СТАЛИН, МОЛотов, КАГАНОВИЧ, ВОРОШИЛОВ, ГОРЬКИЙ и др. приветствуют колонны физкультурников.

Литературная газета

ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР И РСФСР

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕКТИВА: А. ВОЛЫНСКОМУ
М. КОЛЬЦОВА, В. ЛИДИНА, А. СЕЛЫВАНОВСКОМУ, И. СЕЛЫВАНОВСКОМУ
М. СУБОЦКОМУ, М. СЕРБРЯНСКОМУ, И. ЧАРНОМУ, Е. УСТИНОВУ

№ 94 (410)

26 ИЮЛЯ 1934 ГОДА.

ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ

ВЫРАСТИМ НОВЫЕ КАДРЫ ПИСАТЕЛЕЙ С ФАБРИК, ЗАВОДОВ, КОЛХОЗОВ

Дневник Литературной газеты

26
ИЮЛЯ

На днях закончилось всеобщее производственно-тематическое киносовещание. В докладах и выступлениях преобладали отчетливо выявившиеся требования, которые станут перед киносоветским зрителем и которое с достаточной отчетливостью было сформулировано выступившим на совещании т. А. И. Степичем.

— Нужно, чтобы сценарии, а затем и фильмы были действительными и интересными развлекательными сюжетами, за которыми с неослабным вниманием следил бы наш зритель, — говорит т. Степич.

Эту установку развивает в обсуждении в своем докладе т. Шумицкий.

В вопросе о создании советской кинокомедии т. Шумицкий выступает с совершенно отчетливой и ясной точкой зрения. Он говорит: «Фильмы этого жанра нужно ставить смело. Робость, пуританство — меньше всего применимы здесь свойства. Комический фильм имеет свои пути донесения до зрителя и не вещи. Он требует, чтобы это делалось честно, с огромной выдумкой и изобретательностью».

Тов. Шумицкий отмечает громадное значение, которое может иметь для кино участие в его работе писателей. Особенно значительным это участие, по его мнению, должно быть в области создания фильма с индустриальной тематикой.

И в свете требований занимательности и сюжетной остроты, выявившихся на совещании, путь развития фильмов с индустриальной тематикой оказывается весьма отдаленным от пути, по которому шла в этой области наша кинематография до сих пор. Разумеется, в индустриальной тематике найдет себе место и комедия и приключенческий фильм.

Следует, наконец, понять, что борьба за технику, за социалистическое отношение к труду, за культуру труда, которая ведется у нас, не представляет собой нечто стоящее в стороне от стремлений, интересов и склонностей, пришедшего в кино отдохнуть советского зрителя. Не тематика была виновата до сих пор в том, что большинство наших «производственных» фильмов представляло собой скучные кинорассуждения на тему об индустриализации. На поверхности, неглубокой и ни с какой стороны не творческое освоение темы было причиной того, что наш зритель не улавливал до сих пор в кино отдохнуть и развлечься.

И не предложением перейти от тем социалистического строительства к каким-то другим темам является поэтому выступления тт. Степича и Шумицкого, а требованием закрепить уже достигнутые в этой области успехи, углубить их и дать на этой основе полноценные, талантливые и занимательные фильмы.

Наша литература обогнала в этой области наше кино. Книжки наших писателей о социалистическом строительстве являются собой пример поистине творческого освоения темы. Поэтому помощь писателей кинематографам должна оказаться плодотворной. Поэтому требование, выдвинутое т. Шумицким в его выступлении, — требование, о перенесении опыта литературы в кино, должно стать программой работы на ближайшем этапе для наших писателей и наших кинематографов.

ПЕРВОЕ СОВЕЩАНИЕ КРАСНОАРМЕЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ БВО

Политуправление Белорусского военного округа проводит ряд весьма важных мероприятий по подготовке к всеобщему писательскому съезду в всеармейское совещание красноармейских писателей.

На днях в Смоленске, в Центральном доме Красной армии закончилось первое совещание красноармейских писателей БВО.

Основное внимание совещание уделяло состоянию литературного движения в гарнизонах и частях БВО. Доклад сделал зав. литературным отделом окружной газеты «Красноармейская правда» т. Липовца, который характеризовал творчество наиболее выдвинувшихся товарищей (Нурдин — автор пьес «Междубурье», «Контратака» и др., Глазарины — автор пьесы «Фронт», Крапачов и др.). Красноармейская поэзия БВО количественно более обширна, качественно же значительно слабее. Сложившихся, оформившихся красноармейских поэтов в округе еще нет, но стихи тт. А. Шарпанова, С. Халына, М. Крючинина, Панюшина, Наусмана указывают на их рост.

Совещание заслушало доклад тов. Липовца «Литература германского и польского фашизма».

Начальник политуправления БВО

т. Смирнов в своей речи предал совещанию отчет:

— Горячо работать над созданием боевой красноармейской песни.

— Показать лучшим людям нашего передового округа.

Тов. Смирнов пожелал литературному движению округа выйти на первое место в РККА, как занял первое место БВО по боевой и политической подготовке.

Политуправление округа принимает организационные вопросы. До последнего времени литературные силы округа не собраны. Существовало три центра: оборонная комиссия Оргкомитетов ССН БССР и ССН Западной области, а также газета «Красноармейская правда». Все они работали несогласованно, внося разноречие. Только директива ЦУРРКА внесла в это дело ясность.

Политуправление округа принимает энергичные шаги для улучшения работы объединения при домах Красной армии и литкружках в частях. Оборонная комиссия Оргкомитета ССН БССР издает оборонный альманах «Атака» на белорусском, русском, еврейском языках (вышло три номера) — это дело нужно укрепить и продолжать.

МИХ. ВЕРНИКОВСКИЙ.

ИМЕНИ МАКСИМА ГОРЬКОГО ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Институт мировой литературы им. Горького создается как комбинат, совмещающий научно-исследовательские учреждения академического типа и учебное заведение для писателей, творчески выявившихся в желющих сейчас повысить свою квалификацию и вооружиться теоретическими знаниями. Мы знаем, что многие наши писатели владеют истинно ключевой тематикой, у них имеется революционная зарплата, но они не обладают высокой литературной техникой и сведениями, столь необходимыми для советского художника.

Это учебное заведение будет трехлетним курсом. Кроме того намечается еще четвертый год для более повышенной учебы. Первый курс будет подготовительным.

Основные дисциплины писательских курсов — история и теория литературы (теория словесности, теория жанров, история эстетических учений). Из общеобразовательных

дисциплин обязательны: история, история философия, естествознание, иностранные языки и т. д.

Сейчас на первый курс будет принято 100 человек. Повторяю, речь идет о творчески выявившихся писателях, специально рекомендованных правлениями ССН.

Научно-исследовательская часть института посвятит свою работу изучению литературы и критике на протяжении всей мировой истории всех стран и всех времен. В научно-исследовательском институте будет ряд отделений (немецкое, французское, английское), но особенно сильной станет работа в отделениях, посвященных литературе народов СССР. Поскольку научно-иссле-

вательская часть института будет готовить литературоведческую смену, институту будет присвоено право выдавать ученые степени.

Разумеется, институт обеспечен всеми необходимыми пособиями, учреждениями: огромной библиотекой (миллион томов), литературным музеем, специальными кабинетами по истории книги и книжной иллюстрации и т. д.

Одной из задач Института мировой литературы является широкое распространение литературоведческих знаний. Предполагается цикл открытых лекций и докладов.

Для нового института намечено строительство специальных зданий на одном из лучших участков Москвы. Она из аудиторий будет рассчитана на 1500 чел., другая — на 500 чел. и две аудитории по 300 чел. Строительство будет закончено в ближайшем будущем. Пока институту предоставляется временное помещение.

БЕСЕДА С Л. Б. КАМЕНЕВЫМ

дисциплины обязательны: история, история философия, естествознание, иностранные языки и т. д.

Сейчас на первый курс будет принято 100 человек. Повторяю, речь идет о творчески выявившихся писателях, специально рекомендованных правлениями ССН.

Научно-исследовательская часть института посвятит свою работу изучению литературы и критике на протяжении всей мировой истории всех стран и всех времен. В научно-исследовательском институте будет ряд отделений (немецкое, французское, английское), но особенно сильной станет работа в отделениях, посвященных литературе народов СССР. Поскольку научно-иссле-

Н О В О Е В РАБОТЕ С МОЛОДЫМИ

Доклад Н. Горбунова на активе журнала „Рост“

Какое большое значение придает воспитанию молодых писателей, показывает уже самый факт постановки этого вопроса в повестку для съезда. Естественно, что в оставшиеся до съезда сроки вопросы работы с молодыми подвергаются самому оживленному и страстному обсуждению.

На ту же тему 23 июля на собрании актива журнала «Рост» выступил с докладом т. Н. Горбунов.

Он подчеркнул важность этого вопроса, указав, какое внимание подготовке новых литературных кадров уделяет А. М. Горький.

Тяга в литературу у нас огромна. Она — следствие общего культурного роста масс и полема их творческой активности. Однако систематической и глубокой работы с молодежью у нас долгое время не велось, а даже ударники, призванные в литературу, не получали достаточной помощи.

Передом наступил после постановления ЦК партии от 15 августа 1931 г., обязавшего все редакции и издательства вести работу с молодежью. На основе его развлекать пионерскую и систематическую работу литконсультации. Но еще не сразу они падали правильными методами (неумение консультантов выделить более способных авторов, отметить наиболее характерные недостатки начинающего и т. д.). Самой же основой бедой являлась невысказанность к качеству продукции начинающих. «Скидки» приводила к изданию сборников чужеземного качества (два сборника «Рабочий приз» ГИХЛ и др.).

Тов. Горбунов подробно остановился на работе с начинающими, которую проводит сейчас журнал и издательство.

Сейчас уже ни одна рукопись не остается без ответа. Консультации следят за ростом каждого способного автора. Заметно улучшился и состав консультантов. Больше того, тт. Липовца, Огнер, Инбер, Сушков, Казин и др. работают с прикрепленными к ним молодыми писателями, и уже появилось несколько талантливых книг их «подшефных». К сожалению, еще многие писатели крайне неохотно берутся за воспитание сменя. Как на пример для всех наших писателей, докладчик указывает на А. М. Горького, неизменно внимательного к молодым писателям и ведущего огромную работу с ними.

Издательства помогают наиболее способным авторам. Так ГИХЛ и Профиниздат были организованы курсы и семинары для начинающих. «Советская литература» выделяла специальный фонд помощи молодым.

При журналах и издательствах организованы творческие объединения, но работа их поставлена не всегда правильно. Объединения многочисленны, и это мешает хорошо узнать друг друга. Работа ограничена исключительно общими собраниями с обсуждением собственных произведений. Нужно объединения разбить на более мелкие бригады, считает тов.

Горбунов, надо организовать коллективную культурно-учебу, путем посещения музеев, выставок и т. д.

Заслуживает внимания опыт объединения молодых писателей при «Советской литературе». Цель объединения — не узко понимаемая «литучеба», а всестороннее развитие молодых писателей. Проводились коллективные встречи с представителями смежных искусств Коллективная работа объединения шла книгой в Болшевской коммуне ОГПУ чрезвычайной областью молодых писателей. За три месяца работы над этой книгой они творчески выросли неузнаваемо.

Докладчик останавливается также на недостатках творчества начинающих. Они много пишут о штурмовых днях нашего строительства, но мало уделяют внимания процессу освоения, мало пишется о детях, о женщине, нет попыток разрабатывать научно-фантастическую тематику, скупо освещается жизнь далеких окраин.

Начинающие недостаточно борются за качество своих произведений. Типичны недостатки произведений — слабая типизация героев, боязнь выдумки, сложная орфография, бедность изобразительных средств и языка. Причины этого не всегда кроются только в неумении или ленивости автора. Наши редакции и издательства недостаточно внимательны к произведениям начинающих, списывая не за качеством, а за «выполнением плана».

Как нам улучшить работу с начинающими авторами? Докладчик выдвигает ряд предложений. Прежде всего каждый писатель, критик, редактор должен прикрепить к себе одного-двух способных молодых авторов. Необходимо индивидуализировать работу издательства, чтобы избежать параллелизма. Нужно прямо и серьезно сказать молодому автору: хочешь быть писателем — учись, все возможности для этого имеются.

Основные положения доклада не встретили возражений со стороны выступивших товарищей, которые охотно соглашались с ним. В отдельных затронутых вопросах

Тов. Г. Бромберг отмечает, что у нас очень мало работают над созданием образа современного молодого человека. В работе журналов и издательства с начинающими наблюдается самотек. Они не выявляют наиболее талантливых молодежи, а ждут, когда она сама к ним придет. На дифференцированный подход к начинающим указывает т. С. Караманов. Тов. М. Беккер вносит предложение пополнив доклад К. Горбунова на съезде писателей фактами из работы литкружков предприятий, в частности интересным и своеобразным опытом литкружка ЦАГИ. Выступившие товарищи указывали, что еще и сейчас литконсультации не всегда четко работают, задерживают ответы и т. д.; приводили ряд конкретных примеров небрежной работы издательства с литмолодняком.

В. П.

ПАРАД МУЖЕСТВА И МОЛОДОСТИ

Красная площадь. 2 часа дня. На раскаленную брусчатку вступают первые колонны физкультурников. Они выравниваются в стройные шеренги, закрывают всю ширь площади и скрываются далеко — в прилегающих к ней улицах и переулках. Сверкают на солнце яркие знамена, шелковые майки и береты. Они перебивают всеми цветами радуги, приносящую шумную праздничность обычно строгой Красной площади.

Фронт ГИМ'а украшен знаменами. Между портретами Ленина и Сталина эмблема советской физкультуры — огромный значок ИТО второй степени. Год назад на этом месте был значок первой степени. И теперь эмблема символизирует новые победы советского физкультурного движения. Советский молодец упорно овладевает новыми вершинами спортивной техники.

Лозунги восклицают:

— Под знаменем большевистской партии и ее Ленинского ЦК — вперед к новым победам!

— Да здравствует вождь великой коммунистической партии — лучший друг физкультурников товарищ Сталин!

Трибуны у Кремлевских стен полны. Здесь — гости: лучшие ударники заводов и фабрик Москвы, иностранные туристы, приехавшие в Советский союз. Но плащом пробегает линейные с флажками. Закачиваются последние приготовления к парад.

Неожиданно громко и восторженно раздается с трибуны приветствие. Из Кремля выходят и направляются к мавзолею товарищ Сталин, другие члены Политбюро, члены правитель-

ства. Гул стихает. В тишине мерно бьют часы Спасской башни. Три часа дня.

На трибуне мавзолея тт. Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Калинин, Микоян, Чубарь, Енукидзе, Литвинов, Манисс Горький, Степич, Бубнов, Гамарник, Алксис, Эйдеман, Хрущов, Коган, Филатов, Булганин и др.

На дипломатической трибуне — представители дипломатического корпуса. Среди иностранцев прибывший из Англии в СССР английский писатель Герберт Уэлс.

Команда — «смирно!» На плащ выдвигаются в автомашине тт. Антипов, Шверник, Ягода, Косарев и Лунылов, принимающие парад. Командующий парадом тов. Толпилов роняет:

— 130 тысяч физкультурников Москвы построены для парада.

Т. Антипов, Шверник, Косарев, Ягода и Лунылов обжимают бесконечные ряды физкультурников и здороваются с ними. Продолжительное «ура» гремит по площади.

Парад начинается.

Вот она шагает, одетая в пестрые шелковые майки, и мир не видел еще такого праздника бодрой юности. Да и мы, мы сами не видали такого. Подобные парады бывали уже, а кроме них из года в год переживаем мы наши октябрь и май. Но с каждым разом все большей растопыт дарят нас дни, отмеченные красным в красном календаре, праздничные на Красной площади, в центре красной страны. С каждым разом стройнее ряды и тела. Увереннее шаги и лица.

Ярче костюмы и щеки. Больше людей и цветов.

Идут студенты Института физической культуры, мастера спорта, а вслед за ними пионеры, замечательные зарубежные ребята, только что возвращенные из лагерей. Идут ребята, и каждый несет на плащ новые ярчайшие цвета, новую изобретательность в оформлении своей коллекции. Флажки, живые цветы, модели самолетов, привозят везучие эмблемы и рапорты побед на цитах, парашютах, футбольные мячи, байдарки и весла, шары, вымпалы, вымпалы и флажки. Бесшумное скольжение велосипедов сменяется треском мотоциклов: советский спорт вооружается машинным инвентарем. Над площадью совершенно головокружительные вещи проделывают три самолета, демонстрируя выучку и отвагу советских пилотов.

Да, все это парадное эффектно, но не это все-таки более всего привлекает взоры и мысли. Их привлекают люди, идущие в рядах, чьи лица сливаются в одно огромное лицо молодого человека нашей страны. Это мужественное и умное, настоящее человеческое лицо. Ибо не только тела становятся все совершеннее у сынов нашей великой родины. Пред ними безграничный простор для развития всех их талантов и возможностей. А в том, что окружало идущих через площадь людей — в ярких шелковых костюмах, в отличном спортивном инвентаре, во множестве автомобилей и цветов. — в этом был все растущий материальный уровень социализма.

Так с каждым годом, с каждым днем все ослепительнее сияет наше будущее, которое становится ряды и тела. Увереннее шаги и лица.

Фото С. Шингарев

Косная сила инерции

У наших докладчиков на общелитературные темы есть ряд излюбленных формулировок, иногда от долгого употребления изнашивающихся и превращающихся в штампы. Вот одна из распространяющихся: «Общие успехи социалистического строительства и углубление культурной революции явились на данном этапе не только мощным толчком к усилению творческой активности широких кадров советской литературы, но и подняли огромный пласт новых молодых писательских сил с фабрик и заводов».

Мудрено ли, что в таких условиях молодым, только что становящимся на ноги поэтам приходится ожидать «очередь» на критические высказывания столь продолжительное время, что их внешние подбодорки успевают зарости дремучими бородами, а творческая пыл — растеряться в бесплодных спорах и неорганизованных попытках своими силами отыскать правильную дорогу роста.

Косная сила инерции — вот что объясняет такое отношение к молодежи. Куда легче и проще писать сто сорок пятую статью об общелитературных темах, тут уже все введено, все пристражено, бери иголку и тащи. А молодого возмущен, наивный и как бы чего не вышло. Недоказанный, но пережитый. Выпадет и исключение. Вдруг появляется на литературном горизонте свежий молодой поэт. Четырнадцатилетних рук тянутся к молодому «цветку», чтобы распробовать его лепестки. Четырнадцатилетних рук тянутся к старательным добротам начинающего уларного поэта, дабы обаять модный цветочек. И часто случается, что от переизбытка дыхания тепла цветочек сначала сильно и быстро раскрывается, но зато же быстро начинает увядать.

Разве не близок к подобной аллюзии случай с литературной судьбой Юрия Смыкалова? Наши критические критики своим поспешеством в опеки молодого таланта не только принесли явный вред ему самому, но еще больший вред принесли они всему литературному движению, ибо силой Смыкалова заслонили перспективу роста молодых поэтических кадров.

Иногда некоторые критики вдруг навалились рабочеюбием и спешно высказывали обвет для «поднятия на щит». Образцом таких увлечений кажется мне статья Дунаевского, напечатанная несколько месяцев назад в «Литгазете». Дунаевский «сражался до неба» очень радуюсь, сплещу пестрящую сыростью и недостатками книжку стихов молодого поэта Богатрева и, обнаруживая свою полную неинтересность в области литературного вкуса, все читал для обоснования своей хвалы выбрал на редкость безвкусные и сырые.

Говорили много о рабочих-поэтах. А кто попытался всерьез вдумчиво привести в систему первые интересные (не без недостатков и сыроватые) шаги таких молодых рабочих-поэтов, как Ситлов, Черкасский, Ручьев и ряд других? Кто из критиков удосужился хотя бы мельком взглянуть в судьбу и особенности творческого пути старых провинциальных рабочих-поэтов Владимира из Иваново, Павла Беспощадного из Донбасса (кстати почему-то упорно причисляемого к лику молодых)? Кто занялся творческими судьбами довольно многочисленной прослойки активно пишущих московских молодых поэтов разного творческого возраста и урочища: Колычева, Гудермана, Сидорова, Олейникова, Панченко, Шипут, Титова, Волотинского, Жилина, Коваленкова и десятка других? За последние полтора года стал активно выделяться в среде

молодежи А. Шевцов, интересно и свежо работающий в плане деформации сатирико-аллегорического жанра и обнуаруживший в лирико-аллегорическом сплаве твердые интересы своего поколения. Не менее интересные попытки необычного сюжета, хотя очень бедного поэтического (и мифологического) и художественного способа поэтического выражения показаны в ряде напечатанных в Москве стихов молодой одесской рабочей-поэт Стрельченко. Заметили ли их критики? Увы, критикам было нелегко заметить подобные «мелочи». Столь же мало интересовала нашу критику и поэтическая провинция. А там своя жизнь, там формируются (часто уродливо, с накладными расходами), свои поэтические кадры. Кто из критиков знает, что в Ростове есть добрая патерка поэтов, выпустивших отдельные сборники (Над, Шемшелевич и другие)? Кто говорит критикам имена Ивановов Полторацкого, Немчинова, Киселева, Уралова, Кутума, Ручьева, Сибирякова, Непомнящих, Молчанова, Смоленцев, Твардовского, Осина, Рыленкова, Воронцова, Покровского, архангельских Янина и десятков других поэтов из разных краев и областей Союза? А все эти люди регулярно пишут, переживают свои «взлеты» и «спреживания», бьются над разрешением тех же вопросов, что и маститые московские поэты.

Во всем сказанному надо еще обратить внимание на поразительную забывчивость критики, ее незаинтересованность в судьбах поэтов.

Яркий пример являет судьба безудовольно значительного поэта Михаила Голодного. Пока поэт находился в уклонках, пока писал стихи, которые надо было прорабатывать, Голодным активно интересовались и прорабатывали елико хватит сил. Потом Голодный начал медленно, с трудом выдвигаться от идельных вывихов и набирать силу для нового творческого разбега. Сначала печатались редкие стихотворения, потом выпустил маленькую книжку и наконец недавно дал интересную книжку, показавшую не только с точки зрения его биографии, но и как одна из сторон процессов, идущих в современной поэзии. Все это осталось вне поля зрения критики. Достаточно было человеку потерять уклонку «бороданку», как им уже перестали интересоваться — раз у тебя все в порядке ну и живи!

Более болезненно сказалась такая атмосфера на росте В. Ковычева.

«Шанс — это люди. Это — мы с вами», — сказал в свое время тов. Сталин. План реконструкции советской литературы, ее роста, расширения ее кадров — это также и первую очередь жизни человеческого ресурса, это сотни писателей разных возрастов и разной творческой зрелости. Чтобы люди работали как надо — надо эти люди, их судьбы интересоваться, надо формировать из них писателей, регулировать процесс их роста.

Первая часть этого формирования должна быть разрешена упорядочением взаимоотношений между «этажами» поворотом квалифицирован-

ных поэтов лицом к молодежи, действенной творческой связью взрослых и молодых, активной творческой помощью.

Вторая часть задачи лежит на нашей поэтической критике. Она обязана следить пристально и серьезно за всем, что делается на молодежной «периферии», не пропускать новых ценных явлений и не оставлять в тени множества скрипящих и уродливых, сопровождающих творческий рост молодежи.

Чуждо, чтобы критики, не ожидая, когда люди подрастут настолько, чтобы начать засыпать читателей шедеврами, не гнушались следить за журналами и время от времени обобщали свои наблюдения в обзорных статьях или привлекали материал творчества молодых при разработке широких и общих вопросов поэзии. Это тем более необходимо, что в некоторых жанрах (например, лирика) и некоторых тематических кругах (например, производственный тема) еще очень сырой и не совершенная молодая поэзия несет в себе элементы поучительные и для «сверхнего этажа». А самое главное надо добиться, чтобы и официальный докладчик и поэтический критик в разговоре о поэзии от оценки «явления» перешли к оценке личности. Тогда и живые процессы роста поэзии станут ясны и человек не потеряется в тумане общих формулировок.

От слов пора переходить к делу. А дело требует любовного к делу отношения и некоторой доли смелости — качества, к сожалению растерянного некоторыми критиками в спешке многочисленных перестроек.

А. Сурков

Мы уже видели много таких книг. Сеттон-Томсон, Робертс, Киллинг приучили нас с детства к прямому захвату зверя. Ирвинг, Чарушин, Бианки рассказали нам о привычках зверей.

Нового в натуралистике как будто не скажешь. Зверь есть зверь, а все звери давно описаны Альфредом Бремом. Так думают многие. Но книга Замчалова и Перовской — первая книжка о советских зверях. И ревнившая по перелету золотая зebra — советская, и страус на фоне не ария так важно гуляет под украинским голубым небом. Они из Аскании-Нова.

Книга Г. Замчалова и О. Перовской не столько о зверях, сколько о животных Института Гибридизации и Акклиматизации. Основная тема этой книги заключена в названии института, она вся в том, как африканские чужестранцы помогают людям строить социализм и как люди создают этим чужестранцам наиболее удобные для жизни условия. Тема в детской литературе необычная. Мы привыкли к зверям, которые либо выделывали забавные штуки (обезьяны Буша), либо сидели в клетках зоологических садов.

Звери нужны нашей стране не для забавы. Звери — это промышленность, это шкура, это мясо, это кожа, это мех. И не только. Животные института гибридизации — это еще и удашители пород. Если скрестить лошадь с зебррой, получи-

Г. Замчалов и О. Перовская, «Остров в степи». ДетГИЗ, М., 1934.

ся удивительное животное — зебронид, которому в книжке уделено много страниц. Еще больше места зебронид занимает в работе института. Он вынослив, он неприхотлив и от родителей он взял только лучшее: от лошади крепость, от зебры силу.

Познавательная ценность книжки Г. Замчалова и О. Перовской бесспорна. Наука о гибридизации раскрывается и доносится в ней до самого неподготовленного читателя. Но это очень мало.

Мы имеем одну замечательную книгу о науке. В «Охотниках за микробами» Поля де Крюи наука, микробиология, введена в сюжет. Она наделена строптивым характером, и люди вокруг нее — Пастер, Кох, Мечников, Левенгук — все они стараются преодолеть сопротивление науки, не желаясь открыться, не желая рассказывать им свои тайны. В этом — драматическое строение книги.

Вышедшая несколькими изданиями книга Поля де Крюи вызвала у нас ряд механических поправок.

Очень трудно было Замчалову и Перовской уйти из плена Поля де Крюи и сделать не очередной эпигонский слепок, а совершенно самостоятельную вещь. Это было трудно, но это достигнуто. На это толкали материал и адрес книги. Детская книга требовала непрерывного введения детей, а этого нет у Поля де Крюи. Детская книга требовала сказочности всего происходящего. И рассказ «Полосатые лошади» написан в условиях сказочных тонов. Буржуй называется в нем «топаятками», а весь сюжет его — рассказ о том, как

маленький зебронид побил в союзе большого скакуна; по существу — вариация сказочных сюжетов. Книга Г. Замчалова и О. Перовской состоит из двенадцати рассказов. Первые два — вступление. Это мост от читателя-ребенка к предмету сложного научного интереса. Пожалуй, это самое трудное по написанию место в книге. Здесь нужно было очень коротко рассказать обо всей работе института в целом. И авторы вышли из этого труднейшего положения, отлично разрешив поставленную задачу.

Но в книге есть и недолеланные места. Они требуют исправления во втором издании. Это прежде всего относится к очерку (рассказом его не назовешь) «Пржевальская долина». Непонятно, как мог попасть этот совершенно не сделанный очерк в книгу. Здесь вина не только авторов, но и редактора. Ведь в процессе редактирования очерк можно было легко «отгануть».

Книга написана двумя авторами, очень друг на друга не похожими. Рассказы О. Перовской идут все время от имени рассказчика, некоей Ольги Васильевны. Рассказы Г. Замчалова — от третьего лица. Рассказы О. Перовской несколько манерны. Рассказы Г. Замчалова вымучены и лаконичны до предела. Стилистический разнобой в книге не привлек к общему среднему стилю. Это и плохо и хорошо. Плохо потому, что мешает читателю воспринимать текст. Хорошо потому, что авторский язык не инвентаризован в этой книжке редакторским карандашом.

И. РАХТАНОВ

ТРАГЕДИЯ АНТУАНА БЛУАЙЕ

Е. ГАЛЬПЕРИНА

«Антуан Блуайе» — первый роман Ш. Низана, одного из интереснейших писателей-коммунистов во Франции.

Философский памфлет Низана «Строжевые псы» заканчивался словами: «Философы современности стараются еще признать, что они предали людей ради буржуазии. Если мы предаем буржуазию ради людей, не стыжись признать, что мы — предатели».

Противопоставление человека и буржуа, признание жизни буржуа — мимией, а его самого — обезличенным постоянно повторяющимся у Низана. Не случайно последняя глава его памфлета называется «Защита человека». Проблема человека и человеческого достоинства выдвигалась для Низана на первый план, и это очень типично для многих французских интеллектуалов, приходящих к Марксу, раньше философов-рабочих которого положены в основу всех книг Низана, последний писал: «Я никогда не поверю, что судьба людей — жизнь, где показаны все их врожденные возможности, где задуманы все человеческие возможности». Однако по этим внешне гуманистическим формулам скрыто резко классовое содержание. Мир буржуазии — мир смерти и обезличенности. Но не за буржуа страдает Низан, а за тех, его могли бы стать людьми, но могут быть зарезаны этим мертвым миром. «Великая хитрость буржуазии заключается в том, чтобы превратить рабочих в актеров или рабов: они становятся тогда политическими марионетками и смерти «экономического человека» (т. е. буржуа). Это и есть тема «Антуана Блуайе», книги, непосредственно примыкающей по своим проблемам к философскому памфлету Низана.

«Антуан Блуайе» — роман-биография, роман-портрет. Это история обуржуазивания, замешивания французского рабочего. И поскольку его деклассация раскрыта в плане философской проблемы судьбы человека (рабочего) в буржуазном обществе, постольку книга получает характер философского романа.

Власть темой омеашивание рабочего. Низан поставил проблему, необычайно политически острую для Франции. Если «Американская трагедия» Драйзера взрывала иллюзии продвижения и «счастливый конец» американского мелкого буржуа, то книга Низана «Французская трагедия»

наводит резкий удар по соц.-фашистской лжи о возможности продвижения для рабочего, о «чести труда» в буржуазном обществе, о «счастье» бытового омеашивания. Весь роман устремлен на то, чтобы вскрыть ложный путь, чтобы доказать, что выгоды и податки, которыми буржуазия переманивает рабочего в свой лагерь, ведут к его гибели как человека. Внешнее продвижение в человеческом плане оказывается медленной смертью.

Нелый период истории французского рабочего класса встает в романе. В 60-х годах, когда рождается Антуан Блуайе, его родители уже променяли скудную жизнь своих соевых крестьянских полей на поглощающую их, победоносную завоевывающую Францию железную дорогу. С ней отныне будет связана жизнь Антуана Блуайе. Два типа рабочего отражены в романе. Отец Антуана — это тот тип «мирного рабочего», страдания которого неизменно идеализируются мелкобуржуазными писателями. Неизвестно, уважение к власти, чувство общности («не нам изменять мир») тяготеют на его жизнь. Это мудрость отставного рабочего, еще не понимающего до осознания себя как человека. Зиндель писал: «Рабочие, с которыми обращаются, как со скотом, или на самом деле становятся скотом или же сохраняют сознание и чувство своего человеческого достоинства только при помощи самой жалкой ненависти, непрерывного возмущения против власти ямущей буржуазии. Они остаются людьми, лишь пока они исполнены гнева против господствующего класса; они становятся скотом, как только безропотно подставляют шею под ярмо и в условиях полуживотной жизни пытаются устроить свою жизнь, совершенно не думая о свержении самого ярма» («Положение рабочего класса в Англии»).

Отец Антуана Блуайе мечтает судьбой своего сына возместить свое забытое человеческое достоинство. Для Антуана Блуайе возможны два пути. Путь революции, путь возмущения — единственный политический выход. Но Антуан выбирает свой путь в эпоху создания Французской рабочей аристократии, когда для буржуазии требовались обученные и преданные рабочие кадры. Антуан Блуайе может думать, что он свободно выбирает свою судьбу. Но на деле он вступает в большой со-

циальный процесс, он обманен иллюзиями продвижения, возможностью уйти от судьбы пролетария. Мы видим все этапы его «возвышения»: он ученик школы искусств и ремесел, квалифицированный рабочий-машинист, начальник ж.-д. депо, начальник мастерских, инженер, он отбывает от рабочей среды, он командует рабочими, он принят в ряды буржуазии.

Но возвышение Антуана есть его внутреннее опустошение. Он становится идеальным для буржуазии «драматическим рабочим», квалифицированным, технически выштрояванным, трудолюбивым и смиренным. Буржуазия приучает его идеи «профессиональной гордости». Честь труда, любовь к машине, то, что у нас в СССР наполняется подлинным содержанием, в буржуазном обществе — лишь ловушка, которой буржуазия сговаривает рабочего. Вся жизнь Антуана — непрерывный труд, который кажется ему честью, а на деле является убийством, заблуждением. Антуан не имел свободного времени для других человеческих движений кроме движения «труда». Став винтиком машины, он даже не осознает свою жизнь. Его сила и страсть к работе не используются на развитие его человеческих способностей, но строгот ради выгоды анонимных акционеров. Книга пронизана болью за забытые возможности рабочего, задушенные трудом. «Неужели человек остается всегда только частью человека, изуродованным, отчужденным от самого себя. Слова Маркса, взятые интриганом книги, о том, что коммунизм может уничтожить пужу пролетария и «заблудить буржуа» лишь уничтожением самого «труда», синтезируют жизнь Антуана Блуайе. Уничтожение труда как приращение и замена его тем трудом-наслаждением, трудом как естественной потребностью человека, который Маркс предвидел в коммунистическом обществе, только оно полностью освобождает Антуана Блуайе, вернув им их человеческое достоинство.

Наряду с трудом Антуана Блуайе опустошает быт. Эта жизнь загромождена мелочами. Его личная жизнь гибнет, задушенная мелочами благополучия, все растущим миром буржуазной семьи «идиллии». Незаметно Антуан отделяется от своей среды, от своих братьев по клас-

су. Но переходя в лагерь буржуазии, он принимает облик и свойства буржуа. Его обуржуазивание дано в романе прежде всего как процесс его обособления, выключения его в атоматичность буржуазного мира. Этот процесс становится основным мотивом всей книги. Отрываясь от своего класса, Антуан становится тем же «изолированным существом», той же «монადой», как и великий буржуа. Его жизнь, казалось бы, так наполненная трудом, бытом, всем этим ворохом мелочей, становится на деле все более плавильной. Над его жизнью тяготеет иллюзия долга, вынужденная ему буржуазией. «Долг работать, долг быть верным жене, долг воспитывать сына, долг заставить рабочих работать, долг быть на стороне хозяев, долг выполнять свое предназначение прежде, чем умереть. Но какое предназначение?»

Под конец кривая жизни Антуана Блуайе опускается из-за случайности. Не следует искать в этом какой-либо скрытой морали, «возмездия» и т. д. Жизнь его могла бы до конца идти с внешним благополучием, случайности могли бы не произойти — все равно бы осталось то нарастающее ощущение опустощенности, одиночества, моральной смерти, которое осознается им как итог его жизни. Ужас ее в контрасте внешнего успеха с внутренним банкротством. Такой удел человека, который в результате деклассации вошел в мир буржуазии, в мир пустоты и смерти.

Блуайе не сразу приходит к осущелению своего банкротства. Два случая входят в его жизнь как симптомы его внутреннего крушения. Железнодорожная катастрофа, когда Блуайе, сообщившему женом убитым, что коммунизм может уничтожить пужу пролетария и «заблудить буржуа» лишь уничтожением самого «труда», синтезируют жизнь Антуана Блуайе. Уничтожение труда как приращение и замена его тем трудом-наслаждением, трудом как естественной потребностью человека, который Маркс предвидел в коммунистическом обществе, только оно полностью освобождает Антуана Блуайе, вернув им их человеческое достоинство.

Блуайе не сразу приходит к осущелению своего банкротства. Два случая входят в его жизнь как симптомы его внутреннего крушения. Железнодорожная катастрофа, когда Блуайе, сообщившему женом убитым, что коммунизм может уничтожить пужу пролетария и «заблудить буржуа» лишь уничтожением самого «труда», синтезируют жизнь Антуана Блуайе. Уничтожение труда как приращение и замена его тем трудом-наслаждением, трудом как естественной потребностью человека, который Маркс предвидел в коммунистическом обществе, только оно полностью освобождает Антуана Блуайе, вернув им их человеческое достоинство.

Правда жизни была на стороне тех... кто «не преуспевает».

Эти проброски правды на захвате его хвост ступают до кошмара. Всем существом он ощущает, что его жизнь не была жизнью, что все, что было заложено в нем, так и осталось не прожитым. Страх смерти, преследующий Антуана, есть на деле страх перед своей жизнью.

История жизни Антуана Блуайе понята и раскрыта Низаном как история его медленного умирания. И весь стиль романа, целая система очень обдуманных творческих приемов стремится передать эту постепенное опустошение, опустошение человеческого «я». В стиле этой книги нет почти ничего случайного. Как бы ни относился к творческой манере Низана (а она, может быть, вызовет у многих возражения), но несомненно подлинное литературное мастерство автора.

Не случайно первая глава рисует лохотники Антуана Блуайе, ибо в физическом его уничтожении лишь до предела, до конца доведено это моральное умирание. Лишь после этого восстанавливается вся его биография. Читатель сразу введен в атмосферу смерти, и вся далее рассказанная жизнь воспринимается уже под этим углом зрения как жизнь, ведущая к мещанской смерти. Этот сам по себе не полный композиционный прием получает здесь своеобразный смысл опустошения, разоблачения всей прелюдней истории. Мотив смерти звучит точно нота, взятая с первой страницы и протянутая сквозь всю книгу.

Безжизненность и омертвление Антуана Блуайе подчеркнуты в том, что вся книга как бы опрокинута в прошлое и больше всего необычайно намеренной замедленностью темпа. Мелочи загромождают книгу, как они загромождали жизнь Антуана. Обращение бытом, лущающее человека, выливается в «неестественное» накопление деталей, в нарочито чрезмерную обстоятельность рассказа, систематичность бытовых описаний. Ощущение тоски, скуки, пустоты достигается этим очень резко. Опущенность, как этот быт опустает Антуана, обобщает его со всех сторон, медленно и систематически засасывает его своей «видимостью жизни». Нарочито замедленно, точно постепенно умирая, развешивается перед нами образ Блуайе, и так же замедленно, поскольку монотонно текут фразы Низана. Присесть в глаза очевидный контраст языка этого романа в языке памфлетов Низана — резким, публицистически заостренным, странным, иногда даже грубым. Тем бо-

лее явной становится нарочитость всех этих холодноватых, сдержанных, матовых оттенков в языке «Антуана Блуайе», их подчиненность теме и идейной концепции романа. Книга может и по своей композиции и по языку показывать внешне холодноватую. На самом деле это не так. Она глубоко эмоциональна. Но ее жалость, ее боль за гибель человека спрятаны за этим искусственным холодком, подчеркивающим, что рассказанная история — не настоящая, жуткая, страшная жизнь, но лишь ее видимость. Вся эта медлительность, эта «приспорованность в прошлое», эта монотонная безжизненность речи передают медленное умирание. Повествование почти все время идет в прошлом времени. И эти почти беспрерывные отгайты французского текста дают острое ощущение постоянной повторности, утомительного и меланхолического омеашивания существования, слов, жестов Антуана Блуайе. Весь рассказ кажется сначала сплосканным, сдержанным, потом утомительным, тоскливым и, наконец, страшным.

Низан показал нам обуржуазившего рабочего «изнутри». Блуайе — предатель, и это очень четко выливается в книгу, это даже осознано самим Блуайе. Однако мы, как и автор, не столько жалеем его. Низан рассказывал нам его историю под таким углом зрения, что мы в Антуане Блуайе оплакиваем лишь гибель человеческого достоинства. Нам жаль рабочего, который мог бы стать человеком, а стал всего лишь буржуа. Конечно, Низан вправе показать субъективно честного и хорошего человека, который объективно все равно становится, употребляя слово Зинделя, «скотом». Но это не в случайной уродливости лилого человека, а в уродливости системы. И гнев книги весь, целиком направлен на систему, на класс буржуазии в целом, враждебный рабочих своим трушным лбом. Это правильно, но это не совсем достаточно, и здесь мы сталкиваемся с наиболее слабой стороной книги Низана. Благодаря тому, что фигура Блуайе и его деклассация освещены только в плане одной философской проблемы «обособления», поставленной, впрочем, очень интересно, эта фигура освещена несколько одномерно. Тем самым в книгу проникает элемент некоторого схематизма. Низан чрезмерно отлетает своим ненавистью, которая обращена только на систему в целом, от жалости, обращенной на Антуана. Блуайе ведь не только жертва буржуазии, он и ее агент, хотя эта сторона наименее освещена. Если Блуайе стал предате-

лем, то тем самым он стал индивидуальным выражением неадекватной Низану буржуазии. Мы жалеем его как рабочего, потерявшего свое человеческое достоинство, но мы должны ненавидеть и презирать его как предателя, как буржуа. Этой двойной интенцией нехватает в романе Низана, хотя ее великая и глубокая человечность остается резко классовой, обреченной к «человеку» как к рабочему. И в этом отличие марксистской человечности Низана от непредрешенной бесклассовой гуманности мелкобуржуазных писателей, противопоставляющих буржуазному обществу защиту «человека вообще», в самом общем смысле этого слова.

Может ли судьба Антуана Блуайе стать темой революционного романа, может ли она осознаваться нами трагической? Следует ли заниматься показом «изнутри» человека, ставшего буржуа, предателем? Все эти вопросы могут возникнуть. Разумеется, не надо дело «изнутри» анализировать мир буржуазного одиночества, внутренний мир буржуа как «моняду», чтобы жалеть его за эту обособленность. Судьба Антуана Блуайе трагична для нас только потому, что это судьба рабочего, ушедшего из рабочего класса, променявшего свое человеческое достоинство на чечевичную поделку мелкых «благ». И рабочий и буржуа изуродованы в капиталистическом обществе, где вообще нет людей в том подном и подлинном смысле слова, в котором можно употребить слово человек по отношению к коммунистическому обществу. Та высшая мера человеческого достоинства, которая вообще возможна для человека в капиталистическом обществе, — это достоинство возмущившегося пролетария, революционера. И трагедия Антуана Блуайе, трагедия деклассации в том и заключается, что он потенциально мог стать революционером, а в действительности стал буржуа, мог стать человеком, а стал «скотом», что он перешел внешне в высший, а на деле в низший мир. В этом трагический конфликт романа.

Книга Низана несомненно вызовет оживленную дискуссию. По своей необычной постановке вопроса она представляет благодарный материал для обсуждения на съезде творческих залач западной революционной литературы.

В Детстве в скором времени выходит рассказ А. П. Чехова «Каштанка» с иллюстрациями анад. Д. Н. Кардовского.

КНИГИ

В. Алазан
„Век против века“

Подобно картам так называемого грубого масштаба, на которых географические очертания даны по необходимости весьма приблизительно...

Это и плохо и хорошо. Хорошо тем, что дает сконденсированную и сжатую историю страны, но плохо, что

дает ее не конкретно. Хорошо тем, что дает Армению в некоей перспективе, но плохо, что не сообщает изображаемого настоящей реальности.

Автор назвал свое произведение поэмой, но это не столько поэма, сколько цикл стихотворений, притом не случайно связанных, а лишь расположенных в исторической последовательности.

Значение поэмы В. Алазана в том, что она противопоставляет век социализма веку собственников и в том, что свободна от националистических влияний.

ПРЕДСЪЕЗДОВСКИЕ ЗАЯВКИ

Н. ЛЯШКО

Во всех областях нашей художественной литературы работают писатели за 17 лет революции писателя. В их ряды непрерывно вращаются молодые.

Есть ли у нас формально литературные группировки, нет ли их, — творческая борьба идет, крепнет победа партийности и выдвигаются в художественных произведениях на первый план современные задачи пролетариата...

Наша художественная литература самая молодая, самая глубокая и самая яркая на земле. На ее доли впервые в истории человечества выпала задача творчески осмыслить невиданный материал, невиданные творческие процессы...

Нет ничего поэтично удивительно в том, что за 17 лет мы, писатели, прошли только збукку организованного общественного бытия, что многие стороны этого бытия и на сегодня, накануне 1-го всесоюзного съезда писателей, кажутся неизвестными и неустрашенными.

Литературная критика у нас нередко воспринимается как личное оскорбление. Наши писательские организации по году перестраиваются, тусуются. Коллективные договоры писательских организаций с издательствами не выполняются.

„ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА“

Наша «Литературная газета» по своей природе своей является газетой, мнения которой случайны, оценки которой мало что дорожат, утверждения которой легко опровергаются.

автор утяжеляет ее художественный вес записочками. Даже вход в Горт, даже телефоны добирают люди записочками. Сколько времени и энергии уходит в наших низовых организациях на конфликты между здравым смыслом и записочками?

Кому из писателей не приходилось краснеть за плохую продукцию наших издательств? Кому из них не говорили: «Эти вы, писатели, виноваты, вы слабо приглядываете...»

И вот выйдут эти принятые вопреки воли главредов книги. О качестве их лучше не говорить. Кто виноват? Писатели, видите ли, не доглядели. Где логика?

„ВОЛШЕБНЫЕ ЗАПИСОЧКИ“

Ад вопяется там, где обремененные доверием люди принимают живое руководство голыми распоряжениями, записочками и телефонными (чтобы слово было) звонками. Мы немощно болели этим. Вот пример: работала в этом году при Горьком квалификационная комиссия...

БЕЗБАТЬКОВЩИНА
Наша борьба за конкретную критику дале нежданно дале: все чаще говорят и пишут по поводу того или иного литературного явления так, что оно выступает настолько обособленным, что нельзя понять, что же означает это явление: спланированный пафос или проявление инициативы...

РЕДАКТУРА И КНИГИ

Кому из писателей не приходилось краснеть за плохую продукцию наших издательств? Кому из них не говорили: «Эти вы, писатели, виноваты, вы слабо приглядываете...»

И вот выйдут эти принятые вопреки воли главредов книги. О качестве их лучше не говорить. Кто виноват? Писатели, видите ли, не доглядели. Где логика?

В своем романе «Возвращение» Эрих-Мария Ремарк продолжает судьбу героев своей первой, широко известной книги — «На западном фронте без перемен».

Роман Эриха-Марии Ремарка рассказывает историю человека, который воевал в окопах Первой мировой войны, и который воевал в окопах Второй мировой войны.

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА
каждой клеточке и в каждом канале отдалено: подобно тому, как клетки и каналы дерева должны лишь принимать в себя стрекчущие сверху соки и переливать их кроны, так может быть, и из этих ичечек труда вырастет когда-нибудь робота прибор и осязая солнечные листья, вершины гор и свобода.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В своем романе «Возвращение» Эрих-Мария Ремарк продолжает судьбу героев своей первой, широко известной книги — «На западном фронте без перемен».

Роман Эриха-Марии Ремарка рассказывает историю человека, который воевал в окопах Первой мировой войны, и который воевал в окопах Второй мировой войны.

В своем романе «Возвращение» Эрих-Мария Ремарк продолжает судьбу героев своей первой, широко известной книги — «На западном фронте без перемен».

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА
каждой клеточке и в каждом канале отдалено: подобно тому, как клетки и каналы дерева должны лишь принимать в себя стрекчущие сверху соки и переливать их кроны, так может быть, и из этих ичечек труда вырастет когда-нибудь робота прибор и осязая солнечные листья, вершины гор и свобода.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В своем романе «Возвращение» Эрих-Мария Ремарк продолжает судьбу героев своей первой, широко известной книги — «На западном фронте без перемен».

Роман Эриха-Марии Ремарка рассказывает историю человека, который воевал в окопах Первой мировой войны, и который воевал в окопах Второй мировой войны.

В своем романе «Возвращение» Эрих-Мария Ремарк продолжает судьбу героев своей первой, широко известной книги — «На западном фронте без перемен».

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА
каждой клеточке и в каждом канале отдалено: подобно тому, как клетки и каналы дерева должны лишь принимать в себя стрекчущие сверху соки и переливать их кроны, так может быть, и из этих ичечек труда вырастет когда-нибудь робота прибор и осязая солнечные листья, вершины гор и свобода.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В своем романе «Возвращение» Эрих-Мария Ремарк продолжает судьбу героев своей первой, широко известной книги — «На западном фронте без перемен».

Роман Эриха-Марии Ремарка рассказывает историю человека, который воевал в окопах Первой мировой войны, и который воевал в окопах Второй мировой войны.

В своем романе «Возвращение» Эрих-Мария Ремарк продолжает судьбу героев своей первой, широко известной книги — «На западном фронте без перемен».

ЭРИХ - МАРИА РЕМАРК

Внезапно Козлоде настораживается. Издали доносится голоса. Совсем молодые голоса. Должно быть, это экскурсанты из организации, «перелетные птицы».

Прислонившись к дереву, я предаюсь воспоминаниям о былых временах: вечера вокруг костров, народные песни, гитары и полные торжественности ночи, проведенные у палатки.

Голоса приближаются. Опираюсь на руки, я поднимаю голову, чтобы лучше видеть «перелетных птиц». Странно: всего несколько лет назад мы сами были теми, кто с песнями бродил по лесам и полям, а теперь кажется, будто эта молодежь — новое поколение, пришедшее нам на смену, которое должно познать знания, невольно вышупенное нами из рук...

Самых возгласы. Целый рой, почти — хор. Потом — только один голос, слов еще нельзя разобрать. Треск ветки, и глухо гудит земля от топота множества ног. Снова возглас. Снова топот, треск. Затем — ясно и четко приказ:

— Кавалерия выезжает справа, — левое плечо вперед, кругом, марш! Козлоде вскакивает. Я за ним. Мы скремим круг на друга. Что за нововведение? Что это значит?

А вот и люди выбегают из-за кустов, мчатся к ошукне, бросаюся из земли. — Прищелк — четвергата! — басит все тот же голос, — одиночный огонь!

ЭРИХ - МАРИА РЕМАРК

В своем романе «Возвращение» Эрих-Мария Ремарк продолжает судьбу героев своей первой, широко известной книги — «На западном фронте без перемен».

Роман Эриха-Марии Ремарка рассказывает историю человека, который воевал в окопах Первой мировой войны, и который воевал в окопах Второй мировой войны.

В своем романе «Возвращение» Эрих-Мария Ремарк продолжает судьбу героев своей первой, широко известной книги — «На западном фронте без перемен».

Роман Эриха-Марии Ремарка рассказывает историю человека, который воевал в окопах Первой мировой войны, и который воевал в окопах Второй мировой войны.

В своем романе «Возвращение» Эрих-Мария Ремарк продолжает судьбу героев своей первой, широко известной книги — «На западном фронте без перемен».

Роман Эриха-Марии Ремарка рассказывает историю человека, который воевал в окопах Первой мировой войны, и который воевал в окопах Второй мировой войны.

ЭРИХ - МАРИА РЕМАРК

В своем романе «Возвращение» Эрих-Мария Ремарк продолжает судьбу героев своей первой, широко известной книги — «На западном фронте без перемен».

Роман Эриха-Марии Ремарка рассказывает историю человека, который воевал в окопах Первой мировой войны, и который воевал в окопах Второй мировой войны.

В своем романе «Возвращение» Эрих-Мария Ремарк продолжает судьбу героев своей первой, широко известной книги — «На западном фронте без перемен».

Роман Эриха-Марии Ремарка рассказывает историю человека, который воевал в окопах Первой мировой войны, и который воевал в окопах Второй мировой войны.

В своем романе «Возвращение» Эрих-Мария Ремарк продолжает судьбу героев своей первой, широко известной книги — «На западном фронте без перемен».

Роман Эриха-Марии Ремарка рассказывает историю человека, который воевал в окопах Первой мировой войны, и который воевал в окопах Второй мировой войны.

ЭРИХ - МАРИА РЕМАРК

В своем романе «Возвращение» Эрих-Мария Ремарк продолжает судьбу героев своей первой, широко известной книги — «На западном фронте без перемен».

Роман Эриха-Марии Ремарка рассказывает историю человека, который воевал в окопах Первой мировой войны, и который воевал в окопах Второй мировой войны.

В своем романе «Возвращение» Эрих-Мария Ремарк продолжает судьбу героев своей первой, широко известной книги — «На западном фронте без перемен».

Роман Эриха-Марии Ремарка рассказывает историю человека, который воевал в окопах Первой мировой войны, и который воевал в окопах Второй мировой войны.

В своем романе «Возвращение» Эрих-Мария Ремарк продолжает судьбу героев своей первой, широко известной книги — «На западном фронте без перемен».

Роман Эриха-Марии Ремарка рассказывает историю человека, который воевал в окопах Первой мировой войны, и который воевал в окопах Второй мировой войны.

ЭРИХ - МАРИА РЕМАРК

В своем романе «Возвращение» Эрих-Мария Ремарк продолжает судьбу героев своей первой, широко известной книги — «На западном фронте без перемен».

Роман Эриха-Марии Ремарка рассказывает историю человека, который воевал в окопах Первой мировой войны, и который воевал в окопах Второй мировой войны.

В своем романе «Возвращение» Эрих-Мария Ремарк продолжает судьбу героев своей первой, широко известной книги — «На западном фронте без перемен».

Роман Эриха-Марии Ремарка рассказывает историю человека, который воевал в окопах Первой мировой войны, и который воевал в окопах Второй мировой войны.

В своем романе «Возвращение» Эрих-Мария Ремарк продолжает судьбу героев своей первой, широко известной книги — «На западном фронте без перемен».

Роман Эриха-Марии Ремарка рассказывает историю человека, который воевал в окопах Первой мировой войны, и который воевал в окопах Второй мировой войны.

ЭРИХ - МАРИА РЕМАРК

В своем романе «Возвращение» Эрих-Мария Ремарк продолжает судьбу героев своей первой, широко известной книги — «На западном фронте без перемен».

Роман Эриха-Марии Ремарка рассказывает историю человека, который воевал в окопах Первой мировой войны, и который воевал в окопах Второй мировой войны.

В своем романе «Возвращение» Эрих-Мария Ремарк продолжает судьбу героев своей первой, широко известной книги — «На западном фронте без перемен».

Роман Эриха-Марии Ремарка рассказывает историю человека, который воевал в окопах Первой мировой войны, и который воевал в окопах Второй мировой войны.

В своем романе «Возвращение» Эрих-Мария Ремарк продолжает судьбу героев своей первой, широко известной книги — «На западном фронте без перемен».

Роман Эриха-Марии Ремарка рассказывает историю человека, который воевал в окопах Первой мировой войны, и который воевал в окопах Второй мировой войны.

ЭРИХ - МАРИА РЕМАРК

В своем романе «Возвращение» Эрих-Мария Ремарк продолжает судьбу героев своей первой, широко известной книги — «На западном фронте без перемен».

Роман Эриха-Марии Ремарка рассказывает историю человека, который воевал в окопах Первой мировой войны, и который воевал в окопах Второй мировой войны.

В своем романе «Возвращение» Эрих-Мария Ремарк продолжает судьбу героев своей первой, широко известной книги — «На западном фронте без перемен».

Роман Эриха-Марии Ремарка рассказывает историю человека, который воевал в окопах Первой мировой войны, и который воевал в окопах Второй мировой войны.

В своем романе «Возвращение» Эрих-Мария Ремарк продолжает судьбу героев своей первой, широко известной книги — «На западном фронте без перемен».

Роман Эриха-Марии Ремарка рассказывает историю человека, который воевал в окопах Первой мировой войны, и который воевал в окопах Второй мировой войны.

